

З. В. УДАЛЬЦОВА

## ОТКЛИКИ НА ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Трагедия, разыгравшаяся в мае 1453 г. на берегах Босфора, имела огромный политический резонанс. Известие о падении Константинополя облетело все страны и народы Европы, вызывая гнев и печаль одних, тайное злорадство и насмешки других.

Ни одно событие со времени крушения Римской империи не получило такого яркого отражения в источниках, как завоевание Византии турками. Византийские историки Сфрандзи и Халкокондил, Дука и Критовул, западноевропейские хронисты и политические деятели Леонард Хиосский, Убертин Пускул, Никколо Барбаро, Жак Тедадьди, Йорген из Нюрнберга, Янош Туроци, Ян Длугош и многие, многие другие, каждый по-своему, с различных политических и конфессиональных позиций повествует о потрясших их воображение последних днях некогда великой империи<sup>1</sup>.

В странах Восточной Европы, в частности в России, весть о гибели Византии произвела глубокое и тягостное впечатление, породив искреннюю печаль и сострадание к несчастьям греческого народа. И это вполне понятно, ибо Русь и Византия были связаны между собой прочными узами: давними торговыми и политическими связями, общностью религии, длительным и постоянным культурным общением<sup>2</sup>.

Последствия турецкого завоевания в сфере экономики, политики и культуры коснулись как многих стран Европы, так и Руси. Оборвались внезапно и трагически нити, связывавшие Россию со странами Балканского полуострова, на несколько столетий попавших под власть турок. В международной политике той эпохи появился новый фактор первостепенной важности — могущественная Османская держава, с которой должны были считаться все монархи Европы и в том числе правители Русского государства.

Османская держава вновь подчинила единой власти некогда принадлежавшие Византии огромные владения в Европе и Азии. Во второй половине XV в. государство османов простиралось от Месопотамии до берегов Адриатики. С захватом Константинополя турки не только овладели военно-стратегическим пунктом выдающегося значения, но и стали полными хозяевами проливов, что давало Турции как военные, так и экономические преимущества. Под контроль турок попали важнейшие торговые пути из Средиземного моря в Черное, торговые коммуника-

<sup>1</sup> Удальцова З. В. Основные причины падения Византии и последствия турецкого завоевания. — В кн.: История Византии, т. III. М., 1967, с. 207—243; *ее же*. О внутренних причинах падения Византии в XV в. — ВИ, 1953, № 7, с. 102—120.

<sup>2</sup> См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

ции, соединявшие Европу с Ближним и Средним Востоком<sup>3</sup>. Это нанесло сильнейший удар торговле не только европейских держав, в первую очередь итальянских республик Генуи и Венеции, но и торговле стран Восточной Европы и в особенности Русского государства.

Торговые связи с Византией и итальянскими городами-государствами имели первостепенное значение для России XIV—XV вв. Как показал выдающийся советский ученый акад. М. Н. Тихомиров, торговые отношения России с Византией в этот период были гораздо более оживленными, чем это считалось в научной литературе<sup>4</sup>. Такие достоверные и богатые ценной информацией источники, как «Хождения» русских купцов и путешественников, например, «Хождение Пимена в Царьград» (конец XIV в.), свидетельствуют о регулярности и интенсивности экономических связей России с Византией<sup>5</sup>. Эти памятники сообщают о наличии проторенных, хорошо известных и часто используемых путей из Русского государства в страны Средиземноморья<sup>6</sup>.

В ту эпоху особенно оживленная торговля велась по Черноморско-Донскому пути, начальным пунктом которого была Москва, а конечным — Константинополь. От Москвы плыли по рекам до Рязани, затем до верховьев Дона шли сухим путем и везли суда на колесах, далее спускались по Дону до Таны (Азова) и оттуда плыли морем мимо Кафы (Феодосии) и Сурожа (Судака) к Синопу и, наконец, к Царьграду. Путешествие от Москвы до Царьграда длилось около двух с половиной месяцев. Старый Днепровский водный путь к этому времени уже утратил свое былое значение, хотя и не полностью; сохранялись и другие сухопутные дороги из России на юг. В ранних (XIV—XV вв.) географических чертежах и картах, созданных в Русском государстве, как показал недавно акад. Б. А. Рыбаков, нашли отражение и связи России со странами Средиземноморского бассейна<sup>7</sup>.

Все пути из России в Средиземноморье в конечном итоге сходились в Константинополе, или «Новом Риме». Перефразируя известное изречение древних, М. Н. Тихомиров писал, что «для русских путешественников все дороги вели в «Новый Рим»<sup>8</sup>. Царьград всегда привлекал русских купцов, паломников, книжных людей, монахов. В Константинополе, как свидетельствуют русские и византийские источники, искони существовала постоянная русская колония, которая имела свой особый квартал и свою церковь Иоанна Предтечи. В XIV в. автор «Хождения Пимена в Царьград» монах Игнатий с гордостью рассказывал о теплой встрече, оказанной ему и его товарищам их русскими соотечественниками в византийской столице. «Тамо живущая Русь», по его словам, «добре успокойли» русских путешественников, дали им кров и устроили пиршество в их честь. Другой путешественник XIV в. Стефан Новгородец сообщает о встрече в Константинополе со своими земляками-новгородцами. В XIV—XV вв. русская колония, возможно, была перенесена в Галату.

О постоянной русской колонии в Константинополе накануне турецкого завоевания свидетельствуют и многочисленные записи на славянских рукописях, написанных в Константинополе и привезенных в Россию. Греческий язык был знаком не только русскому духовенству, но и некоторым русским купцам: известно, например, что купец Семен Анто-

<sup>3</sup> Удальцова З. В. Завоевания турками Византии и падение Константинополя. — В кн.: История Византии, т. III, с. 184, 198; *Каждан А. П.* Завоевание турками Мореи, островов Эгейского моря и Трапезундской империи. — В кн.: История Византии, т. III, с. 199—206.

<sup>4</sup> Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, 15—77.

<sup>5</sup> Русский временник, ч. I. М., 1820, с. 293—303.

<sup>6</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 28—29.

<sup>7</sup> Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М., 1974.

<sup>8</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 31.

нов в XV в. говорил на трех языках: русском, татарском и греческом. Греческий язык был гораздо более распространен в России XIV—XV вв., чем это обычно предполагается<sup>9</sup>.

Турецкое наступление на Балканский полуостров затруднило, но не прервало торговых связей Константинополя. Вплоть до начала осады Константинополь, как показали новейшие исследования советских ученых, сохранял значение центра транзитной торговли. Велась торговля и с Причерноморьем, хотя часть транзита европейских товаров переместилась в Трапезунд<sup>10</sup>.

Падение Константинополя нанесло тяжелый удар экономическим связям России со странами Средиземноморского бассейна. Гибель Византии и разрыв исконных экономических связей болезненно переживались «хотдившими в Царьград» русскими торговыми людьми, которые теперь распространяли по всей России драматические рассказы о последних днях Византии.

Не менее чувствительными для России были и политические последствия падения Византийской империи. Эти последствия имели несколько аспектов. Образование могущественной Османской державы представляло если не прямую, то все же реальную угрозу для Русского государства. Увеличилась военная опасность со стороны Крыма и причерноморских степей, где при помощи турок утвердились татарские ханы. Они превратились в постоянных врагов Русского государства, за спиной которых всегда стояла Османская империя<sup>11</sup>.

Правители Турции заняли враждебную позицию в отношении России. К тому были особые политические причины. Когда Константинополь пал, возник вопрос о наследниках великой империи, и Московская Русь в большей мере, чем другие державы Европы, использовала в своих политических интересах традиции и авторитет Византийской империи.

Россия, занятая в период турецкого нашествия на Византию тяжелой борьбой с Золотой Ордой и внутренними междоусобицами, не могла подать руку помощи осажденному Константинополю и ограничивалась лишь денежной поддержкой византийским императорам. Но уже в 1480 г. Россия сбросила татарское иго; она переживала период внутреннего подъема и создания единого централизованного государства. Естественно, что Русское государство стремилось играть и более крупную роль в международных отношениях, объявив русских государей прямыми наследниками Византии, а Москву провозгласив «третьим Римом».

Теория «Москва — третий Рим» устраивала и Запад, ибо объявление Москвы наследницей Византии неизбежно сталкивало Россию с Турцией. Турецкая экспансия нависла страшной угрозой над всей Европой и поэтому западноевропейские державы и папский престол были крайне заинтересованы в том, чтобы включить Россию в антитурецкую коалицию: Династический брак великого князя Московского Ивана III (1462—1505) с Софией Палеолог, дочерью морейского деспота Фомы, имел целью укрепить притязания Руси на роль преемницы Византии, поднять авторитет правителя Москвы среди православных народов Юго-Восточной и Восточной Европы. «Папа манил русских правителей титулом царя Востока, Запад толкал Россию на Восток, воротами к которому была Турция»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 43—46.

<sup>10</sup> Шитиков М. М. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадоера. — ВВ, 30, 1969, с. 48—62; Карпов С. П. Трапезундская империя в системе международных отношений XIV—XV вв. М., 1974 (канд. дисс.).

<sup>11</sup> Удалцова З. В. Основные причины падения Византии, с. 214.

<sup>12</sup> Аллатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 165.

Политическая теория «Москва — третий Рим» была окончательно сформулирована в правление Василия III (1505—1533) русским книжником монахом Филофеем. Эта теория получила особое распространение на Балканах как символ общеславянского единства и идейное знамя борьбы против турок. Однако в самой России она оставалась лишь абстрактной политической доктриной, а не руководством к действию. Россия в конце XV и в XVI вв. еще не могла вступить в открытую борьбу с Турцией и отклоняла все дипломатические акции Запада, имевшие целью столкнуть ее с Турецкой державой. Вплоть до 70-х годов XVII в. Россия, занятая другими делами, не вела крупных военных действий против Османского государства. В подобной международной обстановке политическая теория «Москва — третий Рим» оставалась уделом книжников и долго не могла превратиться в официальную государственную доктрину<sup>13</sup>. К тому же наряду с ней возникли и другие политические теории, одна из которых делала не Москву, а Новгород духовным преемником Византии, другая — Владимирских князей — наследниками императора Августа<sup>14</sup>.

Падение Византии имело немаловажные и притом по большей части негативные последствия для общеевропейского культурного развития. До самого конца своего существования Византия сохраняла славу крупнейшего центра культуры в средневековой Европе. Константинополь и Мистра до последних дней оставались очагами утонченной византийской цивилизации. Для России и других славянских народов, а также для Грузии и Армении культурные связи с Византией, стимулируемые религиозной общностью, имели первостепенное значение. Константинополь был обязательным перевалочным пунктом для русских паломников, направляющихся в Иерусалим и на Афон. Сношения с Афоном имели не только важное церковное, но культурное и политическое значение для России, теснее сближая ее с Византией, Болгарией, Сербией. Даже в годы турецкой опасности в Константинополь стекались из многих стран Европы люди, жаждавшие приобрести к высокой византийской образованности. Здесь можно было встретить не только фрягов-итальянцев и людей из других западных стран, но и многочисленных паломников из Руси, Болгарии, Сербии, стран Закавказья. Через Константинополь, Морею и Афон поддерживалось живое культурное и церковное общение византийских ученых, богословов, деятелей культуры, живописцев и зодчих с образованными людьми Восточной и Западной Европы<sup>15</sup>. Захват турками последних очагов византийской цивилизации на Босфоре и в Мистре чрезвычайно затруднил, хотя полностью и не уничтожил, эти исконные культурные связи<sup>16</sup>. Затухание византийской культурной традиции в последующее время, однако, не подлежит сомнению. И оно не могло быть восполнено деятельностью греческих ученых, мыслителей, художников, эмигрировавших на Запад. Вместе с тем широко известен их вклад в развитие культуры Западной Европы в эпоху Ренессанса<sup>17</sup>.

Немало византийских ученых и церковных деятелей нашло убежище и в Русском государстве, и в других странах Восточной Европы. Еще в XIV—XV вв. в России возникло несколько центров греческой образо-

---

<sup>13</sup> Аллатов М. А. Указ. соч., с. 165—166; Каштанов С. М. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, с. 308—324; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 15—24; Гольдберг А. Л. Три послания Филофея. — ТОДРЛ, т. 29, 1974, с. 68—97; его же. Отражение историко-политических идей русской письменности в западноевропейской печати XVI—XVII вв. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 127—130.

<sup>14</sup> Аллатов М. А. Указ. соч., с. 164—174.

<sup>15</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 43—47.

<sup>16</sup> Там же, с. 26, 46—47.

<sup>17</sup> История Византии, т. III, с. 215.

ванности, важнейшим из которых, естественно, был митрополичий двор в Москве. Греческие книги московских митрополитов XIV—XV вв., по-видимому, вошли в состав знаменитого Синодального собрания греческих рукописей. В Москве существовал греческий монастырь Николы Старого и расположенная близ него греческая колония. Другим центром греческой образованности был Троице-Сергиев монастырь, поддерживавший прочные связи с Константинополем. Широко известны контакты Византии и Руси в сфере искусства. Обильным был приток в Россию зодчих, художников и мастеров-ремесленников из Константинополя. «Связи с далеким Константинополем, — писал М. Н. Тихомиров, — помогли русской культуре окрепнуть в тяжелые годы татарщины, создать свое высокое мастерство. Так, рядом с Феофаном Гречином появляется русский Андрей Рублев»<sup>18</sup>.

После падения Византии спасшиеся от гибели и плена греки принесли в Россию греческие рукописи, предметы христианского культа, художественные изделия. Тем самым они способствовали дальнейшему ознакомлению образованных людей Руси с достижениями византийской культуры. Приток греков продолжался и позднее. В первой половине XVI в. на русской почве появляется такая гигантская, хотя и противоречивая фигура, как Максим Грек.

Падение Византии рассматривалось в России как событие всемирно-исторического значения. Оно нашло необычайно широкое отражение в литературных памятниках конца XV и всего XVI в., отзвуки этой исторической драмы слышны еще и в XVII и XVIII столетиях<sup>19</sup>. Недаром рассказ о взятии Константинополя турками был включен в многочисленные русские хронографы самых ранних редакций, в русские летописи (в частности, в Никоновский и Воскресенский летописные своды), в отдельные сборники (совместно с описанием падения Иерусалима в «Истории» Иосифа Флавия) и во многие другие литературные произведения того времени.

Самые близкие по времени русские памятники, рассказывающие о падении Константинополя, имеют четко выраженную политическую и конфессиональную направленность. Все они написаны в православно-ортодоксальном духе, проникнуты сочувствием к грекам и их императору, враждебны к туркам и турецкому султану Мехмеду II Завоевателю. В этом отношении они близки к большинству византийских историков XV в., которые, несмотря на различие религиозно-политических взглядов, восприняли падение Константинополя как величайшее бедствие. Трагическую участь великого города горько оплакивает и православный ортодокс Сфрандзи, и латинофил Дука. Для склонного к философским размышлениям и увлеченного гуманистическими идеями Халкокондила падение Византии — одно из звеньев в неизбежной смене мировых монархий. Однако эта концепция у Халкокондила окрашена в оптимистические тона: он верит в будущее возрождение греческого народа и эллинского языка. И лишь ренегат туркофил Критовул одинок в прославлении завоевателя своей родины, хотя втайне и он потрясен ее гибелью. Для всех же без исключения византийских писателей той эпохи судьба Византии — горький пример изменчивости человеческого счастья.

Среди многочисленных откликов в России на падение Константинополя первое место, бесспорно, занимает самотытный русский памятник, принадлежащий перу очевидца и участника событий. — «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Долгое время автор этой «Повести» оставался неизвестным, хотя его сочинение было включено в летописные

<sup>18</sup> Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 46.

<sup>19</sup> Лизачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, с. 79; Алпатов М. А. Указ. соч., с. 186—191.

своды и хронографы и пользовалось огромной популярностью на Руси. Лишь в 1886 г. в одной из рукописей Троице-Сергиевой лавры была открыта полная самостоятельная редакция этого произведения, которая содержала послесловие с указанием имени автора и краткие сведения о его жизни<sup>20</sup>.

В научной литературе было немало споров о времени создания «Повести», но теперь этот вопрос решен окончательно в пользу второй половины XV в.<sup>21</sup>

Судьба автора «Повести» была столь же трагична, как и описанные им события. Еще в юности он попал в плен к туркам и был насильственно обращен в мусульманство. «Аз многогрешный и беззаконный Нестор Искандер измлада взят быв и обрезан»<sup>22</sup>, — пишет он о себе. Русский юноша, невольный потурченец стал воином турецкой армии и принужден был воевать против греков, которым сочувствовал всей душой. Долгие годы Нестор Искандер переживал тяжелую внутреннюю драму: он глубоко ненавидел турок, но должен был им служить, он оставался верен религии своих предков, но подчинялся установлениям ислама. Об истинных религиозных чувствах Нестора Искандера можно судить по его горестному восклицанию: «Да не умру в окаянной сей вере!» — и по общей православно-ортодоксальной окрашенности всей «Повести». Большую часть своей жизни Нестор Искандер был воином и перенес немало тяжелых испытаний в воинских походах («много пострадах в ратных хождениях»)<sup>23</sup>.

Во время осады Константинополя армией Мехмеда II Нестор Искандер как простой воин находился в войске султана. Весь ход осады проходил на его глазах, он лично участвовал в штурме города и вошел в него с победителями. В течение всей осады он тайно вел дневник событий. Когда совершалось это «великое и страшное дело», он, скрываясь от турок, то притворяясь больным, то используя помощь своих друзей, постоянно наблюдал за всем происходящим, «писал в каждый день творимая деяния вне града от турков»<sup>24</sup>. Войдя в город с войсками завоевателей, он немедленно стал собирать «от достоверных и великих людей» сведения о том, что говорилось в Константинополе во время осады и как сражались осажденные против «безверных». Все собранные факты он вкратце изложил и передал христианам, чтобы сохранилась память об этих ужасных и дивных событиях<sup>25</sup>.

О дальнейшей судьбе Нестора Искандера ничего не известно. Мы можем лишь гадать о том, каким образом он передал свою «Повесть» христианам и через кого она попала на Русь. Был ли это бежавший от турок грек, возвратившийся из захваченной «неверными» Византии русский торговый гость или благочестивый паломник, — мы не знаем. Однако сам факт передачи «Повести» в Россию вполне закономерен: именно здесь это, проникнутое православным духом, грекофильское произведение могло быть встречено с сочувствием и найти своего читателя.

Итак, источниками «Повести» Нестора Искандера были в первую очередь его личные наблюдения и рассказы очевидцев. Это значительно

<sup>20</sup> «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV в. (По рукописи Троице-Сергиевой Лавры начала XVI в. № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886; ср.: «Повесть о Царьграде», чтение И. И. Срезневского. — УЗ II отд. Академии наук, I, 1854.

<sup>21</sup> В одной из последних работ по этому вопросу говорится: «...создание русской Повести о взятии Царьграда турками не только произошло в XV в., но и было, вероятно, отделено сравнительно небольшим промежуток времени от описываемых в этом памятнике событий» (Азбелев С. Н. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, с. 337).

<sup>22</sup> «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, с. III.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же.

повышает историческую ценность сочинения: подобно тому, как венецианец Никколо Барбаро вел дневник осады Константинополя, находясь в осажденном городе, русский воин писал свой дневник вне его стен, в стане турок. На Руси, однако, «Повесть» подверглась литературной обработке: в нее были внесены переведенные из византийских источников добавления в югославянских изводах<sup>26</sup>. Позднейшей вставкой является предпосланный «Повести» легендарный рассказ об основании Константинополя. В нем имеются не только мотивы, почерпнутые из «Александрии» и — через «Еллинский и Римский летописец» — из Георгия Амартола, но и истолкованный в духе концепции «Москва — третий Рим» миф о поединке змея и орла. Первоначально в этом поединке победа была на стороне орла, затем стал одолевать змей, но тогда наблюдавшие за смертельной схваткой христиане убили змея и спасли орла. Мудрецы истолковали исход поединка в том смысле, что «орел есть знамение христианское, а змий — знамение бессерменское; и понеже змий оделе орла, являет яко бессерменство одолеет христианства, а понеже христиане змия убиша, а орла изымаша, яко напоследок паки христианство одолеет бессерменства, а Седмохолмого примут и в нем воцарятся»<sup>27</sup>.

Редактирование в русских летописях первоначального текста «Повести» Нестора Искандера имело совершенно определенную тенденцию — усилить показ обреченности византийцев, погрязших в грехах, и доказать, что ныне роль Константинополя переходит к Москве: «Русии же род... всего Измаилта победят и Седмохолмага примут...»<sup>28</sup> Позднейшей вставкой в «Повести» является также и краткий перечень лет правления византийских императоров, имеющий немало пропусков и опечаток<sup>29</sup>.

Что же касается рассказов апокрифического характера о знамениях, предвещавших гибель великого города<sup>30</sup>, а также многочисленных молитв и стенаний, вложенных в уста народа, императора и патриарха<sup>31</sup>, то они, на наш взгляд, не являются непременно плодом благочестивого рвения безымянных русских книжников, редактировавших сочинение Нестора Искандера. Думается, что они могли попасть в «Повесть» и через тех пострадавших от турок жителей Константинополя, которых, как мы знаем, расспрашивал наш автор непосредственно после захвата города войсками султана. Эти фантастические и суеверные рассказы, естественно, отражали ту атмосферу фатальной безысходности и религиозной экзальтации, которая царил в городе в последние часы его существования. Недаром они перекликаются с известиями Сфрандзи и Дуки.

Ценность «Повести» как исторического источника заключается прежде всего в достаточно компетентном и подробном описании военных действий. Автор не только хорошо осведомлен об их ходе, но и разбирается в военном деле, знаком с организацией турецкой армии, знает ее технические средства, имена турецких военачальников и их действия во время осады<sup>32</sup>.

Нестор Искандер находился во время осады перед городскими стенами, охранявшими Константинополь с суши. Действия турецких войск на сухопутном участке фронта описаны им правдиво, он сообщает немало подробностей, которых не знают византийские историки. Зато действия турецкого флота и морские сражения остаются вне поля его зре-

<sup>26</sup> Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X, 1954, с. 166—189.

<sup>27</sup> ПСРЛ, т. 12, с. 79.

<sup>28</sup> Там же, с. 97.

<sup>29</sup> Там же, с. 81—83.

<sup>30</sup> Там же, с. 90—91, 95.

<sup>31</sup> Там же, с. 86, 89, 91, 92, 94.

<sup>32</sup> Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — ВВ, VII, 1953, с. 50—71.

ния. Так, например, Нестор Искандер ни словом не обмолвился о таком важном событии, как переброска по суше турецкого флота из Босфора в Золотой Рог, события, которое византийские авторы расценивают как поворотный момент осады. Из его рассказа ясно, что решающую роль в захвате Константинополя сыграли сухопутные войска.

В «Повести» все время противопоставляются турецкая и византийская армии, методы ведения войны турок и греков. Оценка турецкой армии у него скорее негативная: он хотя и признает ее силу, но не скрывает и ее слабостей. Успехи турок, по его мнению, определялись в первую очередь численным превосходством, а не достоинствами их военной системы. Турки побеждали скорее числом, чем умением. На глазах автора «Повести» турецкие войска неоднократно обращались в бегство, но их снова и снова гнали в бой палками<sup>33</sup>. Жестокое обращение с солдатами было обычным явлением в войске Мехмеда II. Султан не считался с потерями, не заботился о раненых, зачастую оставлял непогребенными трупы своих солдат. Так, турки наполняли рвы и проломы в стенах города павших своих и чужих воинов, среди которых были еще живые, и шли по их телам на штурм города<sup>34</sup>. Султан, желая заразить Константинополь моровой язвой, приказал было бросать непогребенные трупы турецких солдат за стены города. Он отказался от этого страшного намерения, лишь узнав, что из-за огромных размеров византийской столицы подобная кощунственная мера не принесет вреда осажденным<sup>35</sup>. Мехмед II бросал в бой свои войска, то подгоняя их страхом наказаний, то разжигая их жадность. В критический момент осады, чтобы поднять боевой дух турецкой армии, он обещал отдать Константинополь, богатейший город средневекового мира, на разграбление своим солдатам<sup>36</sup>.

Иными красками рисует Нестор Искандер атмосферу, царящую в армии осажденных. Он неизменно подчеркивает патриотизм, храбрость, стойкость, религиозное одушевление, неутомимость, жертвенность защитников города. Греки неутомимо расчищают засыпанный турками ров, поправляют разрушенные стены, взрывают турецкие пушки и подкопы, сжигают стенобитные орудия; они сражаются стойко («сечахуса крепко»), «яко дикие звери»<sup>37</sup>. Византийские воины идут на смерть не из-за страха наказания или жажды добычи, а ради спасения своего города, религии, своих семей. Византийский император, в отличие от султана, заботится о своих воинах, стремится избежать потерь. Он запрещает воинам выходить за укрепления и приказывает отражать нападения врага только со стен города<sup>38</sup>. Василевс велит священникам и диаконам собирать и погребать трупы византийских солдат — греков, фрягов, армян, а раненых отдает на попечение врачей<sup>39</sup>. Греческие воины дерутся до последнего, их сопротивление продолжается и после того, как турки ворвались в город. Воины, рассказывает Нестор Искандер, сражавшиеся в «стрельницах» на стенах, отказались сдаться в плен и продолжали биться с врагом, «находившимся вне города и в самом городе». Днем, одолеваемые турками, они прятались в тайных убежищах («пропастях»), а ночью вылезали оттуда и избивали турок. Воинам помогали жители города, отчаянно сражавшиеся с завоевателями на улицах Константинополя. Мужчины, женщины и дети бросали на турок с крыш своих домов черепицу и кирпичи («керамиды и плиты»), поджигали деревянные кровли<sup>40</sup>. Известия Нестора Искандера о стойком сопротивлении туркам

<sup>33</sup> ПСРЛ, т. 12, с. 88, 93.

<sup>34</sup> Там же, с. 84—85.

<sup>35</sup> Там же, с. 86—87.

<sup>36</sup> Там же, с. 86.

<sup>37</sup> Там же, с. 88.

<sup>38</sup> Там же, с. 83.

<sup>39</sup> Там же, с. 86.

<sup>40</sup> Там же, с. 96.

не только со стороны гарнизона, но и жителей города заслуживают внимания и вносят коррективы к сообщениям византийских авторов.

Образы главных героев «Повести» — турецкого султана и византийского императора — создаются автором также путем противопоставления. Мехмед II Фатих и Константин XI Драгаш предстают перед читателем как антиподы. Это проявляется не только в эпитетах, которыми награждает их автор, но и в эмоциональной окраске образов, интерпретации их действий, наделении их полярно противоположными чертами.

Султана Нестор Искандер всегда называет «неверным», «скверным», «безбожным», «окаянным», «звероподобным», «лукавым». Он всячески подчеркивает дурные черты его характера: он коварен, нападает на греков вероломно во время мира, нарушив договоры и клятвы<sup>41</sup>, он жесток и груб не только с врагами, но и со своими приближенными, часто впадает в неистовый гнев, но порою проявляет поразительное малодушие. Несколько раз во время осады он предавался отчаянию и готов был отступить от города. Во время главного штурма султан, окруженный янычарами, отсиживался в обозе и ждал, когда посланные им воины найдут и убьют императора, которого он боялся. Султан успокоился лишь тогда, когда ему принесли голову последнего василевса ромеев<sup>42</sup>. Другими словами, образ султана в «Повести» полностью дегероизирован, низведен со своего пьедестала, сугубо приземлен.

Совсем иным предстает в сочинении Нестора Искандера византийский император. Его образ зачастую наделен эпическими и житийными чертами. Василевса ромеев автор прежде всего рисует как героя-воителя, огромного роста и невиданной силы («велик бо zelo и исполнен силою») <sup>43</sup>. Он совершает чудеса храбрости. Своими подвигами император неоднократно спасает город от неминуемой гибели. Физическая сила василевса была столь велика, что мечом он рассекал пополам врагов, а иногда и их коней вместе со сбруей<sup>44</sup>. В бою до времени его чудесным образом хранит провидение и он остается невредим, хотя враги осыпают его тучами стрел и ядер. Император пытается вступить в поединок с самим султаном и только приближенные удерживают его от столь отчаянного поступка. Однако в поединке он убивает турецкого командира азиатских войск («беклербея востока»), разрубив его мечом до седла<sup>45</sup>. В последней смертельной схватке, по рассказам оставшихся в живых греков, император «убил своею рукою безбожных турок более 600»<sup>46</sup>.

Нестор Искандер подчеркивает твердость и героизм правителя ромеев, василевс отвергает предложения вельмож и патриарха<sup>47</sup> покинуть город и остается там на верную смерть<sup>48</sup>. Он деятельно помогает защите города, воодушевляет защитников, дни и ночи проводит на укреплениях.

Но рядом с могучим воителем в императоре как бы живет другой человек: это благочестивый, крайне чувствительный и добрый правитель. Он проводит долгие часы в молитве в храме св. Софии, произносит перед народом, воинами и вельможами длинные речи, непрестанно рыдает и возносит молитвы о спасении города. Он слушает советы патриарха и приближенных, милостив ко всем, добр и благороден. Чудесные знамения повергают его в ужас: он падает на землю как мертвый и лежит безгласный много часов, так что его едва приводят в чувство<sup>49</sup>. Он как бы сознает свою обреченность, его гибель и гибель великого города давно

<sup>41</sup> Там же, с. 83.

<sup>42</sup> Там же, с. 95—97.

<sup>43</sup> Там же, с. 89.

<sup>44</sup> Там же, с. 90, 94.

<sup>45</sup> Там же, с. 93, 95.

<sup>46</sup> Там же, с. 96.

<sup>47</sup> В «Повести» патриарх ошибочно назван вместо Геннадия Анастасием; см.: ПСРЛ, т. 12, с. 91.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Там же, с. 91.

предречены в предсказаниях: «... Константином создася и паки Константином и скончася»<sup>50</sup>.

Итак, образ византийского императора в «Повести» окутан полубогатырскими сказаниями, и героические черты его крайне гиперболизированы. В этом чувствуются отзвуки народной молвы, тех рассказов, которые слышал Нестор Искандер в завоеванном Константинополе непосредственно после гибели василевса.

«Повесть» Нестора Искандера проникнута провиденциалистскими идеями: гибель Византии — наказание господне за грехи ромеев. Она давно предречена Мефодием Патарским и Львом Мудрым, а также зловетшими знаменениями во время осады<sup>51</sup>. При всей своей ортодоксальности Нестор Искандер проявляет умеренность и даже известную лояльность в отношении Запада и католической церкви, хотя и обвиняет латинян в намеренном отказе от помощи гибнущей Византии. «... а фрягове не всъсхотеша помощи, но глаголаху в себе: «не дейте, да възмутъ их турки, а у них мы възмем Царьградъ»<sup>52</sup>. Вместе с тем Нестор Искандер умалчивает о предательском поведении во время осады итальянцев Галлаты. Генуэзец Иоани Джустиниани (Зустунеа) занимает у него среди защитников Константинополя место рядом с императором. Князь Зустунеа — любимец императора, мудр и искусен в ратном деле<sup>53</sup>, руководит самым опасным участком обороны, его уважают и фряги и греки, от нападения янычара его спасает греческий воин<sup>54</sup>. Он сам выстрелом разбивает огромную пушку турок, без его участия не совершается ничего важного в защите города. Автор чужд каких-либо подозрений против Джустиниани — генуэзец был дважды ранен, и его вторая, смертельная, рана было роковой для защитников города<sup>55</sup>. Похвалы Джустиниани в «Повести» расходятся с его оценкой в трудах некоторых византийских авторов: так, Сфрандзи и Халкокондил единодушно обвиняют его в трусливом бегстве после ранения со стен города, которое в тот критический момент было равносильно предательству.

Весьма благожелателен автор «Повести» и к великому дуге Луке Ногаре: у него нет и тени сомнения в преданности Ногары императору и стойкости в защите города<sup>56</sup>. С большим пиететом относится Нестор Искандер к патриарху, духовенству, всем византийским архонтам и стражам.

Итак, «Повесть» Нестора Искандера — безыскусный, глубоко искренний рассказ очевидца, написанный под непосредственным впечатлением падения Византии. Его писал человек, не получивший утонченного образования, но одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика. По широте исторического кругозора и осведомленности, блеску литературного стиля он не может соперничать с прославленными византийскими писателями той эпохи. Суровый воин, он порою наивен и суеверен, доверчиво собирает «творимые легенды», апокрифы, рассказы о знамениях и чудесах. Иногда он ошибается в хронологии, путает незнакомые имена, названия кварталов огромного города. И все же ему можно верить в главном — увиденное и пережитое он описал правдиво и честно.

«Повесть» — не только заслуживающий доверия исторический источник, но и самобытное литературное произведение. Это человеческий документ большой жизненной правды, вылившийся из наболевшего сердца рассказ о потрясшей автора исторической трагедии. Грубоватый, но соч-

<sup>50</sup> ПСРЛ, с. 96.

<sup>51</sup> Там же, с. 97.

<sup>52</sup> Там же, с. 85; ср. с. 98.

<sup>53</sup> Там же, с. 93.

<sup>54</sup> Там же, с. 88—89.

<sup>55</sup> Там же, с. 93—94.

<sup>56</sup> Там же, с. 89, 97.

ный образный язык писателя привлекателен, хотя его несколько портят длинные речи и ламентации, быть может вставленные в повествование каким-либо ученым книжником. Нестор Искандер склонен к картинности изображения, гиперболизации и нагнетанию ужасов: тучи стрел у него помрачают свет, потоки крови окрашивают пурпуром воды Золотого Рога, горы трупов засыпают рвы и громоздятся до стен Константинополя, а от невообразимого шума боя раскалывается весь город. Но рассказчик одушевлен таким сильным и живым чувством, что оно невольно захватывает читателя.

Все это создавало огромную популярность «Повести» Нестора Искандера на Руси. Недаром это произведение оказало воздействие даже на русское прикладное искусство<sup>57</sup>. Сочинение Нестора Искандера одновременно отражало впечатление, произведенное падением Византии на народы Восточной Европы, и отвечало настроениям, царившим в Русском государстве той эпохи.

---

<sup>57</sup> *Мамаев К. К.* «Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, с. 342—352.